

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 81'367

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-292-300>

Шифр научной специальности 5.9.5

Учение В.Г. Руделёва о предложении в контексте его фонологических идей

Анатолий Леонидович ШАРАНДИН

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 sharandin@list.ru

Аннотация. Рассмотрена актуальная проблема взаимосвязи разных уровней языковой системы на материале отношений между фонологией и синтаксисом. Данные области занимали центральное место в исследованиях В.Г. Руделёва. Проанализировано учение профессора В.Г. Руделёва о предложении с позиций его фонологических взглядов. Объектом исследования послужило синтаксическое учение В.Г. Руделёва, представленное его рассуждениями о предложении. В основе методики исследования материала лежит оппозитивный метод, позволяющий увидеть возможности его применения для объяснения универсального характера теоретико-информационного подхода к изучению разных областей лингвистических знаний. В качестве языкового механизма в описании отношений между разными типами предложений используется нейтрализация в её фонологическом понимании. Применение фонологического механизма нейтрализации позволяет В.Г. Руделёву выявить отношения между простыми и сложными предложениями. В системе сложных предложений он приходит к выводу о маркированности гипотаксиса по отношению к паратаксису. В системе простых предложений основное внимание уделяется анализу словесных и междометных предложений. Оппозитивный метод позволил В.Г. Руделёву прийти к выводу о маркированности словесных предложений и, на основе нейтрализации, об их более высоком языковом ранге, «весе» в речевой деятельности человека. Автор статьи высказывает своё отношение к рассмотрению учения о предложении в аспекте фонологии. Рассмотренное учение В.Г. Руделёва о предложении в аспекте его фонологических взглядов позволяет увидеть и осмыслить отношения в синтаксисе в динамическом плане. Наиболее наглядно это демонстрирует использование фонологического понятия нейтрализации в синтаксисе. Однако при этом необходимо учитывать специфику синтаксиса как области двусторонних синтаксических единиц.

Ключевые слова: В.Г. Руделёв, синтаксис, фонология, словесные и междометные предложения, нейтрализация

Для цитирования: Шарандин А.Л. Учение В.Г. Руделёва о предложении в контексте его фонологических идей // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 292-300. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-292-300>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Публикуемые статьи Н.Л. Потаниной, Н.Г. Серебренниковой, А.Л. Шарандина посвящены 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.Г. Руделёва. Они отражают различные аспекты анализа его научного и творческого наследия в рамках исследований научной школы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина «Экология языка и речи», основателем и руководителем которой был В.Г. Руделёв.

V.G. Rudelev's doctrine about the sentence in the context of its phonological ideas

Anatoly L. SHARANDIN

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

✉ sharandin@list.ru

Abstract. We consider the current issue of the relationship between different levels of language system on the basis of the relationship between phonology and syntax. These areas occupied a central place in V.G. Rudelev's studies. We analyze Professor V.G. Rudelev's doctrine about the sentence from the standpoint of his phonological views. The object of the study is the syntactic doctrine of V.G. Rudelev, represented by his reasoning about the sentence. The methodology of the material study is based on the oppositional method, which allows us to see the possibilities of its application to explain the universal nature of the information-theoretic approach to the study of different areas of linguistic knowledge. Neutralization in its phonological understanding is used as a linguistic mechanism in describing the relationship between different types of sentences. The use of phonological mechanism of neutralization allows V.G. Rudelev to identify the relationship between simple and complex sentences. In the system of complex sentences, he comes to the conclusion that hypotaxis is marked in relation to parataxis. In the system of simple sentences, the main attention is paid to the analysis of verbal and interjectional sentences. The oppositional method allowed V.G. Rudelev to come to the conclusion about the marking of syllabic sentences and, based on neutralization, about their higher linguistic rank, "weight" in human speech activity. We express our attitude to the consideration of the doctrine of sentence in the aspect of phonology. The considered V.G. Rudelev's doctrine about the sentence in the aspect of his phonological views allows us to see and comprehend the relationships in syntax in a dynamic way. This is most clearly demonstrated by the use of the phonological concept of neutralization in syntax. However, it is necessary to take into account the specifics of syntax as an area of bilateral syntactic units.

Keywords: V.G. Rudelev, syntax, phonology, verbal and interjectional sentences, neutralization

For citation: Sharandin, A.L. V.G. Rudelev's doctrine about the sentence in the context of its phonological ideas. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(2):292-300. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-292-300>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы синтаксиса русского языка были одной из центральных тем в исследовательской и педагогической деятельности профессора В.Г. Руделёва. Поэтому ожидаемым стало издание его учебника для 8–9 классов «Русский язык. Учение о предложении». Естественно, эта книга учитывала соотношение синтаксиса как учебного предмета изучения с научной синтаксической теорией В.Г. Руделёва в плане редукции научных знаний в

этой области. Такая редукция предусматривает учёт образовательных знаний учащихся на том или ином этапе обучения, их психологических и когнитивных особенностей, что обычно обуславливает необходимые купюры и сокращения в научной теории для её реализации в учебном процессе. Но при этом различного рода редукция научных теорий и соответствующие купюры в минимальной степени должны быть представлены на методологическом уровне изучения русского языка. Так, невозможно редуцировать до ну-

ля в школьном изучении русистики соотношение языка и речи, поскольку осмысление его учащимися позволяет увидеть функциональную сторону языка [1]. Поэтому не случайно осмысление и реализация этого соотношения присутствует в грамматическом учении В.Г. Руделёва в качестве основополагающего и фундаментального постулата, позволяющего объяснить речевое многообразие языковых единиц [2, с. 9].

К сожалению, термин «предложение» не оказался в его учебнике сориентированным на отражение языковой природы, как некая языковая модель, а употребляется и в значении речевой единицы. Ср.: «Предложение – это уже речь, композиция, текст, мысль, воплощенная в языковых моделях, или стандартный сигнал, передающий элементарные чувства и лишённый словесного наполнения» [3, с. 72]. В связи с этим он и выделяет предложения, включающие в свой состав слова, и междометные предложения, которые «не составляют каждый раз, а запоминаются целиком, навсегда и употребляются каждое в своей положенной ситуации» [2, с. 11]. Поэтому они «не состоят из слов и сами словами не являются. Такие предложения не расчленяются на части, не распадаются на члены предложения, не отвечают на вопросы» [2, с. 11]. На наш взгляд, в этом случае междометные предложения имеют по существу речевой характер, отражая ситуацию «здесь и сейчас». Поэтому моделирование междометных высказываний по существу отсутствует: они запоминаются списком, тогда как словесные предложения образуют различного рода модели или структурные схемы.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Целью исследования является анализ синтаксического учения В.Г. Руделёва с позиций его фонологических взглядов, поскольку в фонологии он видел образец системного подхода к описанию других уровней русского языка как многоуровневого образования. Формирование научных взглядов В.Г. Руделёва в области фонологии относится, по существу, на период 60–70-х гг. XX века, когда фонологические проблемы

достаточно широко и активно обсуждались в научных лингвистических кругах. Как и для многих отечественных фонологов, большое влияние на него оказали труды Н.С. Трубецкого, и прежде всего «Основы фонологии» (1939 г., в русском переводе – 1960 г.). Эта работа, по мнению редакции 1960 г., помимо специального изложения новой лингвистической дисциплины, «имеет еще широкое общезыковедческое значение, далеко выходящее за рамки собственно фонологии», поскольку оказала «прямое воздействие на разработку важнейших вопросов современного общего языкознания» [4, с. 7-8]. Поэтому приобщение В.Г. Руделёва к решению фонологических проблем стало своего рода вхождением в новую методологию описания языка, тем, что формировало его современное лингвистическое мировоззрение (см.: [5]).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время большинством лингвистов признается фундаментальный характер основных фонологических понятий. При этом фундаментальность определяется как «то, что работает и в других областях знания, на чем может строиться здание науки в целом, что обладает концептуальной универсальностью» [6, с. 172]. Конечно, экстраполяция фонологических понятий в другие области лингвистической науки обуславливает учёт специфики разных уровней языковой системы. Ещё А.А. Реформатский, с которым В.Г. Руделёв был знаком и поддерживал научные связи, предупреждал: «Передовой опыт фонологии для становления структурного понимания языка в целом не должен соблазнять лингвистов к механическому переносу возможностей и закономерностей фонологии в иные разделы лингвистики. Явления дифференциации и нейтрализации имеются и в грамматике, и в лексике, но... указанные явления в фонологии, морфологии, синтаксисе и лексике – качественно отличны и специфичны» [7, с. 523].

Таким образом, для В.Г. Руделёва естественным и закономерным стало обращение к другим областям русистики с позиций исследователя-фонолога, для которого важным

и значимым в этой позиции стал методологический характер фонологических идей, и прежде всего Н.С. Трубецкого. Самым ценным в его оппозитивной теории, считает В.Г. Руделёв, «были не сами оппозиции, а способы их обоснования (выделено мной. – А. Ш.). Таковыми оказывались нейтрализации, которые характеризовали не только оппозиции, но и корреляции и даже релевантные признаки». Поэтому, «распространяя рассуждения Н.С. Трубецкого на морфологию, синтаксис и даже поэтику (!), мы приходим к необходимости «взвешивать» аналогичным образом, то есть так, как Трубецкой предлагал взвешивать фонемы в их оппозициях, – слова и их классы (части речи), различные типы предложений и даже целые произведения, написанные на данном языке. Научившись это делать, мы окажемся в состоянии, например, ответить на вопрос: какая из двух частей речи, глагол или существительное, значит больше в системе нашего языка?» [3, с. 112]. Таким образом, для осмысления грамматических идей В.Г. Руделёва важным является универсальный метод теоретико-информационного представления языковых систем, открытый Н.С. Трубецким, метод, который, по мнению В.Г. Руделёва, не был осмыслен в полной мере XX веком [3, с. 111; 8].

В концептуальном плане научные взгляды В.Г. Руделёва в период его увлечения фонологией были представлены в статье «Синтаксис глазами фонолога». Эти взгляды были отражением результатов осмысления синтаксиса в рамках спецкурса, который он читал в Тамбовском педагогическом институте на протяжении более 10 лет. Сам В.Г. Руделёв впоследствии достаточно критично отнесся к этим результатам, считая, что «опыт этого курса был скорее отрицательным, чем положительным» [3, с. 71]. На наш взгляд, такая оценка была связана с его отходом от формального описания языка, которое присутствовало, в частности, и в его теории частей речи (см.: [9]). Ведь в синтаксисе важны не только и не столько связи между словами, сколько синтаксические отношения как содержательная сущность предложения. Связи же и средства их выражения отражали семантическое (грамматическое) содержание

единиц синтаксиса. Фонология же, сориентированная на описание фонем как языковых единиц плана выражения, в большей степени уделяла внимание формальным отношениям в фонологической системе, демонстрируя их в различных фонологических моделях, представленными фонологическими школами – Ленинградской (модель синтеза), Пражской (модель анализа) и Московской (модель коррекции). Именно данные модели оказались в центре внимания статьи В.Г. Руделёва. На материале актуального синтаксиса была осуществлена попытка осмыслить значимость и весомость паратаксиса и гипотаксиса в отношениях друг с другом на основе оппозитивного метода с его механизмом нейтрализации. Это позволило прийти к выводу о том, что «наибольший «вес» в системе имеют имплицативные конструкции с оформителем «если..., то...». Наиболее примитивными оказываются простые предложения и их механистические объединения в сложносочиненные структуры» [10, с. 17].

По определению В.Г. Руделёва, «предложение – это самая маленькая и самая простая речевая композиция, которая способна служить цели общения» [2, с. 10]. В этом определении важным оказывается назначение предложения, его функции, поскольку композиционное устройство, по мнению В.Г. Руделёва, имеет и слово. Поэтому закономерным в концептуальном плане стало выявление отношений между словом и предложением. В.Г. Руделёв даёт следующее определение слову: «Слово – нечто производное от предложения, то есть это предложение, текст, композиция, особым образом обработанные и включенные в языковую память – словарь. Берёза – это дерево, которое..., Учитель – это человек, который..., Маскарад – это...» [3, с. 73]. В этом смысле «слово – логический член предложения, предложение внутри предложения» [3, с. 73]. И далее: «Будучи предложением генетически, слово обладает свойством разворачиваться в предложение. Это и есть то, что называется толкованием слова, и оно возможно благодаря внутренней форме или его внешней форме» [3, с. 73-74].

При этом генетическая связь предложения и слова предстаёт по существу в фоноло-

гическом аспекте, поскольку для В.Г. Руделёва слово – это «свидетельство творчества, нестандартного говорения, информационной мощи высказывания, его подлинно человеческого характера» [3, с. 73]. По его мнению, если слово теряет способность возвращаться в предложение, оно умирает [3, с. 74]. Поэтому «слово в предложении – не частый гость» [3, с. 73]. В этом, на наш взгляд, можно усматривать проекцию модели коррекции, разработанной Московской фонологической школой, которая для определения фонемы в слабой позиции требовала нахождения сильной позиции, в которой фонема и определялась в своём основном виде как звук языка. Другими словами, слово тогда оказывается словом, если можно найти высказывание, в котором слово предстаёт в своём основном виде (с сохранением внутренней формы) как единица «творчества, нестандартного говорения». Если корректирующая модель языка не позволяет обнаружить такую сильную позицию для слова, то оно является уже не столько словом (в МФШ – фонемой), сколько гиперсловом (в МФШ – гиперфонемой). Думается, в понимании слова как единицы творчества и утраты им словесного статуса в связи с утратой творческого характера и нестандартного говорения возобладали взгляд В.Р. Руделёва как поэта и писателя, а не строго лингвиста-фонолога.

Отсутствие у слова внутренней формы, позволяющее увидеть невозможность её смыслового развертывания в предложение, даёт возможность объяснить, почему междометие не является словом. Междометие не называет предметы и явления действительности, не является результатом познания мира и его отражения в языке в виде знаковой единицы. Междометие не отражает акта творчества, а отражает эмоциональную реакцию на то или иное событие, ситуацию. И эта реакция коммуникативно значима, но не как словесная единица, отражающая перевод универсального предметного кода в языковую плоскость (область), а как единица, отражающая инстинктивную эмоциональную сферу человека в виде коммуникативного образования. Другими словами, междометие оказывается самой речью, безотносительно к

концепту как единицы знания. В междометии знание представлено в анализе ситуации. Поэтому междометие не отвечает на логические вопросы, не является членом предложения, характеризуется не морфолого-синтаксическими признаками, а эмоциональной интонацией, которая структурирует междометие как нечленимое высказывание.

Знаковый характер слову обеспечивает номинативная или дейктическая функция в составе высказывания, в котором слова оказываются синтагматически связанными и представленными в той или иной морфолого-синтаксической форме. Эти взаимосвязи слов формируют грамматическую предикативность по линии отражения синтаксического времени (темпоральности), наклонения (модальности) и лица (персональности). В результате предложение оказывается не столько собственно коммуникативной единицей, сколько конструктивной (структурно-семантической) единицей, формирующей законченную мысль. Но эта мысль имеет характер сообщения, то есть это сообщаемая мысль. И поэтому предложение включается в сферу общения (коммуникации), в рамках которого оказывается одним из компонентов коммуникативного акта, в основе которого отношения говорящего и слушающего. В результате предложение является, с одной стороны, самостоятельной единицей синтаксического уровня и, с другой стороны, компонентом (частью) коммуникативного уровня, представленного коммуникативным актом. В этом смысле коммуникативная востребованность предложения (высказывания) обеспечивается взаимодействием с другими предложениями (высказываниями) в рамках такой минимальной дискурсивной единицы, как диалог – наиболее естественной (по Щербе) формы человеческого общения. Именно диалог позволяет осмыслить содержание междометных (нечленимых) предложений, поскольку они коммуникативно зависимы от структурно-семантических (словесных) предложений. Как отмечает С.Г. Ильенко, «в практике человеческого общения коммуникативная функция может реализоваться и без синтаксической организации как таковой – за исключением интонационной оформленно-

сти, которая в случаях типа Вот ещё!, Неужели?, Ау!, Нет и т. п. оказывается средством, придающим данной знаковой последовательности характер высказывания, единицы коммуникации. Фактически лишённые синтаксической организации, такие высказывания, однако, могут служить полноценными репликами в диалоге, способными резко изменить его течение, и т. д.» [11, с. 14-15].

Вне коммуникативного акта междометия не несут значимой информации, они являются собой возгласы, крики, звуковые реакции, которые оказываются симптомами (но не словесными знаками!) той или иной ситуации. В коммуникативном акте эта реакция оказывается коммуникативно востребованной, объясняющей характер ответного междометного высказывания со стороны адресата. При этом важную роль играют также различного рода невербальные средства (мимика, жесты).

Таким образом, междометные высказывания, не имея структурно-семантической организации (предикативности), оказываются коммуникативно значимыми. Это позволяет видеть в них изначальную коммуникативную природу, то есть междометия – это коммуникативные по своей природе сигналы, которые в рамках коммуникативного акта имеют определённое коммуникативное наполнение – эмоциональное.

Противопоставление словесных и междометных предложений позволяет осмыслить маркированный характер словесных высказываний по отношению к междометным высказываниям. Их маркированность определяется релевантным признаком «наличие предикативности», который включает в себя синтаксическую информацию о времени, модальности и персональности. Данная информация может быть выражена эксплицитным (синтагматическим) способом, когда предикат имеет словесное выражение, или имплицитным (парадигматическим) способом, когда предикат имеет нулевую форму выражения (например, в односоставных номинативных предложениях типа Осень. Ср.: Была осень.).

В междометных предложениях предикативность не представлена. По отношению к

ним, как ситуативно зависимым высказываниям, данное понятие по существу нерелевантно, поскольку отсутствие структурной организации в этом типе высказываний не позволяет соотнести содержание высказывания к действительности с позиций модальности, времени и лица. Вследствие этого данные высказывания коммуникативны, но не предикативны. Таким образом, возникает вопрос о соотношении предикативности и коммуникативности, поскольку они имеют разную природу формирования и вследствие этого оказываются закреплёнными за разными сторонами языковой системы. Предикативность имеет синтаксическую природу своего формирования и обеспечивает прототипические формы коммуникации, сориентированные на части речи и их участие в структурировании смысла предложения. Коммуникативные же единицы – это уже результат процесса, который связан не только с языком, но и с неязыковыми средствами (мимика, жесты и т. д.), используемыми для достижения главного в коммуникации – отражения отношений между говорящим и слушающим. Причем неязыковые средства вполне могут заменить в диалоге междометные высказывания посредством мимики и/или жеста. Поэтому следует различать синтаксическую категорию предикативности и коммуникативную ось предложения как характеристику любого предложения. Категория предикативности имеет словесную форму выражения, тогда как коммуникативность реализуется не только словесной конструкцией, но и несловесной, и даже невербальным способом. Предикативность обеспечивает прототипическую коммуникацию, представленную членимыми высказываниями (или, по Ильенко, ситуативно независимыми высказываниями). Но коммуникация может осуществляться и с использованием непрототипических форм, в частности, нечленимых высказываний.

В этом случае словесные и междометные предложения демонстрируют интерпретацию действительности либо в виде её восприятия в форме членимого высказывания, либо нечленимого высказывания. В первом случае высказывание отражает когнитивную спо-

способность человека видеть в членимой ситуации те или иные субъектно-объектные отношения, которые находят отражение в структурно-семантической организации высказывания, соотнесённой с действительностью и с определённым моментом речи. Во втором случае ситуация воспринимается с когнитивной точки зрения как реакция на неё, отражённая в знаковой форме всего звукового состава высказывания безотносительно к его членению на отдельные части речи (слова). В результате отсутствует соотнесённость с какими-либо субъектно-объектными отношениями и с теми или иными моментами речи, поскольку представлен только настоящий момент речи.

Таким образом, всё уровневое устройство языка в том или ином виде сориентировано на реализацию, прежде всего, коммуникативной функции. И поэтому отношения между словесными и междометными высказываниями можно определить следующим образом: все словесные предложения коммуникативны, но не все коммуникативные высказывания предикативны.

ВЫВОДЫ

Данные отношения позволяют видеть в утрате словесными предложениями предикативности нейтрализацию, их смешение с междометными предложениями. В качестве интегрального признака выступает коммуникативность, представленная коммуникативной осью предложения, а в качестве дифференциального признака – предикативность как структурно-семантическая категория предложения. Особенно показательны в этом плане односоставные предложения, главный

член которых может десемантизироваться в предметно-понятийном смысле. В результате его нейтрализации выражается эмоциональная реакция на ту или иную ситуацию. Например, полная десемантизация представлена в таких словах, как Боже! Господи! Батюшки! (Батюшки! – изумился тонкий) (А. Чехов). Наглядной в этом плане является речь Элочки Щукиной в романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Такие слова, как мрак, жуть, парниша, выполняют по существу междометную функцию.

Следовательно, нейтрализация позволяет сделать вывод о том, что языковой ранг, «вес» словесных предложений в речевой деятельности человека выше, чем ранг междометных предложений. И подтверждением этого является фонологический механизм, определяющий отношения между ними в составе привативной оппозиции.

Таким образом, рассмотренное В.Г. Руделёвым противопоставление словесных и междометных предложений в качестве привативной оппозиции наглядно демонстрирует возможности использования фонологических механизмов для описания функциональной стороны в синтаксисе. Однако при этом следует учитывать специфику синтаксических единиц разной сложности и их двусторонний характер, в отличие от фонем как единиц фонологии, имеющих только план выражения. Представленный в синтаксическом учении В.Г. Руделёва фонологический взгляд на отношения в системе синтаксических единиц, на наш взгляд, позволяет увидеть реализацию фундаментальных фонологических идей за пределами фонологии, но не может быть автоматически перенесённым в область синтаксиса без учёта его специфики.

Список источников

1. Денисов Ю.Н., Шарандин А.Л. Взаимосвязь языка и речи как предмет педагогической лингвистики // Неофилология. 2022. Т. 8. № 3. С. 416-426. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-416-426>, <https://elibrary.ru/octvnq>
2. Руделёв В.Г. Русский язык. Учение о предложении. Учебник для VII–IX кл. Тамбов: ТГПИ, 1992. 203 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/010003_000061_bd8dbec5edd377c9688e71d72a98e412/
3. Руделёв В.Г. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Ч. 2. Тамбов: ТГУ, 2002. 182 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000757434>
4. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с. URL: <https://reallib.org/reader?file=1470913&pg=1>

5. Шарандин А.Л. Проблемы русской грамматики в трудах профессора В.Г. Руделёва // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2002. Вып. 3 (27). С. 50-64. <https://elibrary.ru/nttvmf>
6. Журавлёв В.К. Фундаментальный характер фонологических идей // Фонология. Тамбов: ТГПИ, 1982. С. 171-177.
7. Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970. 528 с. URL: https://www.phantastike.com/linguistics/from_history_phonology/djvu/view/
8. Руделёв В.Г. Открытие, не осмысленное веком // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. М.: МГУ, 1995. Т. 2. С. 446-447. <https://elibrary.ru/tceznv>
9. Руделёв В.Г. Грамматическая теория Ф.Ф. Fortunatova // Русские языковеды. Тамбов: ТГПИ, 1975. С. 6-25. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006973442>
10. Руделёв В.Г. Синтаксис глазами фонолога // Исследования по семантике: Семантические аспекты синтаксиса. Уфа: БГУ, 1985. С. 11-18. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001282525>
11. Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. 398 с. URL: <https://vdocuments.site/-557208ee497959fc0b8bdb2f.html?page=1>

References

1. Denisov Yu.N., Sharandin A.L. The relationship of language and speech as a subject of pedagogical linguistics. *Neofilologiya = Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 416-426. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-416-426>, <https://elibrary.ru/octvnq>
2. Rudelev V.G. *Russkii yazyk. Uchenie o predlozhenii. Uchebnik dlya VII–IX kl.* [Russian Language. The Doctrine of the Sentence. Textbook for 7th–9th grades] Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1992. 203 с. (In Russ.) Available at: https://rusneb.ru/catalog/010003_000061_bd8dbec5edd377c9688e71d72a98e412/
3. Rudelev V.G. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 6. Ch. 2* [Collected Works: in 6 vols. Vol. 6. Pt 2]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2002, 182 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000757434>
4. Trubetskoi N.S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of Phonology]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000, 352 p. (In Russ.) Available at: <https://reallib.org/reader?file=1470913&pg=1>
5. Sharandin A.L. Issues OF Russian grammar in V.G. Rudelev's works. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2002, no. 3 (27), pp. 50-64. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nttvmf>
6. Zhuravlev V.K. Fundamental'nyi kharakter fonologicheskikh idei [Fundamental Character of Phonological Ideas]. *Fonologiya* [Phonology]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1982, pp. 171-177. (In Russ.)
7. Reformat'skii A.A. *Iz istorii otechestvennoi fonologii* [From the History of Russian Phonology]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 528 p. (In Russ.) Available at: https://www.phantastike.com/linguistics/from_history_phonology/djvu/view/
8. Rudelev V.G. Otkrytie, ne osmyslennoe vekom [A discovery not comprehended by the age]. *Lingvistika na iskhode XX veka: Itogi i perspektivy* [Linguistics at the End of the 20th Century: Results and Prospects]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1995, vol. 2, pp. 446-447. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tceznv>
9. Rudelev V.G. Grammaticheskaya teoriya F.F. Fortunatova [Grammatical Theory F.F. Fortunatova]. *Russkie yazykovedy* [Russian Linguists]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1975, pp. 6-25. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006973442>
10. Rudelev V.G. Sintaksis glazami fonologa [Syntax through the eyes of a phonologist]. *Issledovaniya po semantike: Semanticheskie aspekty sintaksisa* [Studies in Semantics: Semantic Aspects of Syntax]. Ufa, Bashkir State University Publ., 1985, pp. 11-18. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001282525>
11. Il'enko S.G. *Kommunikativno-strukturnyi sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Communicative-Structural Syntax of the Modern Russian Language]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2009, 398 p. (In Russ.) Available at: <https://vdocuments.site/-557208ee497959fc0b8bdb2f.html?page=1>

Информация об авторе

Шарандин Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>, sharandin@list.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, поиск и анализ литературы, обработка результатов исследования, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 26.12.2022

Одобрена после рецензирования 18.03.2023

Принята к публикации 20.04.2023

Information about the author

Anatoly L. Sharandin, Dr. habil. (Philology), Professor, Professor of Russian Language Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>, sharandin@list.ru

Contribution: main study conception, literature search and analysis, research results processing, manuscript text drafting.

Received December 26, 2022

Revised March 18, 2023

Accepted April 20, 2023